

Костина Ирина Борисовна

КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ И. ГОФМАНА

В статье представлен анализ социального взаимодействия как особой формы театрализованной языковой игры. Показано, что необходимым условием осуществления данного процесса выступает рабочий консенсус, а инструментами его реализации являются понятия "персонаж" и "ритуал взаимодействия". Если ритуал как особый порядок соблюдения участниками групповых норм определяет ситуацию с внешней стороны, то отношение к персонажу, выступающему персонификацией некоторого социального типажа, консолидирует группу изнутри.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 116-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.66

Социологические науки

В статье представлен анализ социального взаимодействия как особой формы театрализованной языковой игры. Показано, что необходимым условием осуществления данного процесса выступает рабочий консенсус, а инструментами его реализации являются понятия «персонаж» и «ритуал взаимодействия». Если ритуал как особый порядок соблюдения участниками групповых норм определяет ситуацию с внешней стороны, то отношение к персонажу, выступающему персонификацией некоторого социального типажа, консолидирует группу изнутри.

Ключевые слова и фразы: символический интеракционизм; взаимодействие «лицом-к-лицу»; рабочий консенсус; традиции группы; ритуал взаимодействия; персонаж.

Костина Ирина Борисовна, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kib999@inbox.ru

**КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ И. ГОФМАНА[©]**

Идеи американского социолога И. Гофмана, широко известные на Западе, для российских читателей стали доступны в основном благодаря его книге «Представление себя другим в повседневной жизни» [3] и небольшому циклу статей Е. И. Кравченко [7; 8] и Е. И. Николаевой [10], посвященных исследованию теоретических аспектов концепции социальной драматургии. Эта концепция сформировалась в рамках символического интеракционизма, предметом которого выступает межличностное взаимодействие, взятое в символическом, прежде всего, языковом выражении. В издательстве «Грамота» представлен целый ряд публикаций, касающихся особенностей языкового взаимодействия в аспекте языковых игр [4], понимания «Другого» [2; 12], специфики имиджевой коммуникации [11] и т.п.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать конвенциональные особенности межличностного языкового общения, акцентируя внимание, с одной стороны, на порядке или ритуале взаимодействия, с другой стороны – на понятии персонажа, посредством которого формируется обобщенное впечатление об исполнителе.

Язык как средство структурирования реальности. Начиная с работ Дж. Г. Мида, полагавшего, что «язык есть часть кооперативного процесса – та часть, которая обеспечивает взаимное приспособление индивидов друг к другу» [13, р. 76], считается, что любая воспринимаемая реальность является социальной. Взаимодействуя между собой, люди обычно понимают, что они делают. При этом в кооперативном процессе действия одного субъекта выступают стимулом для ответной реакции другого. С точки зрения Мида, социальное взаимодействие основывается на взаимопонимании и существует в форме осознанного приспособления людей друг к другу. В ситуации конкретного социального действия с несколькими участниками производимые отдельным субъектом жесты и звуки становятся знаками, сообщающими окружающим о последующем поведении производящего их индивида. Согласно Миду, слова языка пробуждают в говорящем субъекте такой же эмоциональный отклик, какой они вызывают у других, поэтому, усваивая язык, человек одновременно перенимает установки других людей и включает их в собственное поведение. Иными словами, язык задает общность значений используемых слов и позволяет в символической форме увидеть себя в мире глазами других.

Мид полагал, что «использование языка ...это всегда та часть [социального процесса], посредством которой мы воздействуем на себя так, как воздействуем на других, и опосредуем социальную ситуацию этим пониманием того, что мы говорим. Данное обстоятельство является фундаментальным для всякого языка, если это действительно язык» [Ibidem]. Таким образом, благодаря языку индивид становится полноправным участником кооперативного социального действия, в котором индивидуальные жесты сообщают другим о намерениях производящего их субъекта, а слова выражают значимость индивидуального действия в контексте групповой активности. Дж. Г. Мид рассматривал личность в качестве «живой формы», позволяющей индивиду посредством интернализированной системы групповых норм вписывать собственное поведение в структуру групповой активности. Его последователь И. Гофман с помощью понятия персонажа развил данный подход в направлении языковой игры как «формы жизни».

Социальная микросистема, или взаимодействие «лицом-к-лицу». Фундаментом разрабатываемого И. Гофманом драматургического подхода в социологии выступает положение о том, что любая ситуация социального взаимодействия определяется двумя основными факторами: 1) действиями индивида, направленными на формирование у других впечатления о себе; 2) ответными реакциями других на восприятие данного впечатления. Такого рода ситуация служит основанием для социальной микросистемы, которая «возникает каждый раз, когда какие-либо лица физически присутствуют в ограниченном пространстве их взаимодействия» [6, с. 25]. Иницируемый при таких условиях процесс взаимодействия Гофман определил как «взаимодействие лицом-к-лицу» (face-to-face-interaction).

Существуя в ограниченном пространстве, «взаимодействие лицом-к-лицу» во многом напоминает театральную игру, поскольку и в первом, и во втором случаях есть сцена, декорации, действующие лица и зрители, наблюдающие за происходящим. Более того, сами исполнители зачастую используют те же технические приемы и средства самовыражения, какие находятся в распоряжении профессиональных актеров. Различие заключается в том, что в реальной жизни сценарий выступлений имеет чисто формальный характер и представляет собой некий ритуал, или «порядок взаимодействия», характерный для конкретного набора социальных ролей. При этом в рамках одного и того же ритуала возможны разнообразные по содержанию взаимодействия. В театре, напротив, актеры-исполнители действуют по четко определенному в содержательном отношении сценарию с конкретными репликами, фразами и паузами; актеры обычно пространственно противопоставлены публике, наблюдающей и оценивающей театральную игру.

В реальной жизни барьер между зрителями и исполнителями имеет, скорее, институциональный характер. Участники сами создают ситуацию, последовательно принимая то роль актера, то роль зрителя: актер вербально создает образ ситуации, зритель – невербально откликается на впечатление от этого образа. Однако при любом изменении ситуации влияние участников на ее определение сохраняется и находится в зависимости от их социального статуса, авторитета или амплуа. Согласно Гофману, «зритель, вероятно, всегда будет иметь преимущество перед действующим лицом» [3, с. 40], потому что в его поле зрения оказывается не только актерская игра, но и отношение других зрителей к данному исполнению (performance). Иными словами, зритель имеет возможность сравнивать собственное впечатление с реакциями других, в результате чего его впечатление приобретает конвенциональный характер, приближающийся к предполагаемому впечатлению «обобщенного другого».

Ролевая партия как «представительский фронт» исполнителя. Проводя аналогию между социальной реальностью и театральным представлением, Гофман отмечал, что любая социальная роль может быть представлена как «свод прав и обязанностей, сопряженных с данным статусом» [Там же, с. 48]. Поэтому отношение к социальной роли изначально определяется теми нормами обхождения и этикета, которые приняты в обществе в ситуациях, связанных с исполнением данной роли. В отличие от других представителей ролевых теорий, И. Гофман предпочитал говорить не о ролевых ожиданиях и требованиях, а о ролевой «партии», понимаемой «как рутинный образец действия, который разыгрывается индивидом перед аудиториями одного и того же типа» [6, с. 27]. Он обозначил такой образец действия понятием «передний план» (front), или «фасад» исполнения. Наиболее емко смысл этого понятия передается выражением «представительский фронт», которое обозначает стандартные выразительные средства, намеренно или непроизвольно используемые индивидом во время исполнения роли [1, с. 190].

Элементами личного представительского фронта являются статусные отличия, осанка, внешность, манера поведения, выражения лица, характерные речевые обороты и т.п. Эти и другие характеристики образуют уникальную динамическую структуру исполнения – некую представительскую маску, которая призвана создавать впечатление принадлежности индивида к определенному социальному типу. Маска символизирует социальный типаж и привлекает внимание зрителей к наиболее выигрышным с точки зрения исполнителя особенностям соответствующей типуажу социальной роли. Более того, маска представляет собой «ту часть индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в обобщенной и устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение» [3, с. 54].

«Рабочий консенсус» как условие конвенционального определения ситуации. По мере развития ситуации отношения между действующими лицами становятся более рельефными и неоднозначными, а социальные роли, исполняемые участниками, постепенно персонифицируются. Соответственно, симпатии зрителей оказываются на стороне тех действующих лиц, которые изменяют ситуацию в направлении зрительского интереса и при этом сохраняют собственные первоначальные позиции. Как уже отмечалось, ключевым фактором «взаимодействия лицом-к-лицу» Гофман считал процесс определения ситуации, связанный с проекцией индивидуальной перспективы на жизнь группы. Отношение группы к отдельным участникам имеет конвенциональный характер, хотя и зависит от специфики межличностных отношений членов группы с каждым из исполнителей. «Участники совместно формируют единственное общее определение ситуации, которое подразумевает не столько реальное согласие относительно существующего положения дел, сколько реальное согласие относительно того, чьи притязания и по каким вопросам временно будут признаваться всеми» [Там же, с. 41].

Гофман полагал, что основным ожиданием партнеров по взаимодействию выступает некий «рабочий консенсус» между участниками, позволяющий удерживать взаимно приемлемое определение ситуации в этической плоскости. Показательно, что для успешного взаимодействия конвенциональное определение ситуации «должно быть выдержано до конца вопреки множеству потенциальных опасностей» [6, с. 25]. По мере развития отношений, обусловленных действиями и реакциями участников, внутри социальной микросистемы могут возникать события, способные дискредитировать или поставить под сомнение проекцию заявленной индивидуальной перспективы.

С точки зрения Гофмана, любые коммуникационные акты, «даже совершаемые с целью приукрашенного представления своей деятельности», подразумевают определенные моральные отношения индивида с аудиторией. Производимые участниками коммуникации впечатления обычно истолковываются как скрытые обещания или претензии. «Исполнители и публика, перед которой они стараются, действуют так, как будто между ними существует молчаливое обязательство поддерживать определенное равновесие противостояния и согласия. Это равновесие держится на часто бессознательном моральном познавательном соглашении не вводить друг друга в заблуждение слишком сильно» [Там же].

Указанная особенность «взаимодействия лицом-к-лицу», по-видимому, также проистекает из конвенциональной специфики языкового общения, которая выражается в ожидании участников встретиться у других понимание вкладываемого в слова смысла. Как отмечает Л. А. Микешина, «понятие конвенции не сводится только к буквальному его пониманию как договоренности о чем-то. ... Среди других способов существования конвенциональности в языке ... фундаментальное значение имеет категоризация» [9, с. 24]. Под воздействием этого процесса, обусловленного индивидуальными способностями субъектов классифицировать и упорядочивать информацию по группам, классам, разрядам, типам, происходит некоторое упрощение действительности, реализуемое посредством когнитивно-репрезентативной функции языка. Процесс категоризации действительности имеет дело с различными типами регулярностей, предпочтение которых осуществляется зрителями под влиянием коммуникативной функции языка. По мнению Л. А. Микешиной, «в категоризации реализуется единство этих функций, включая конвенцию, при этом функция соглашения оказывается внешней по отношению к когнитивной, хотя они и взаимодействуют в языковом общении» [Там же].

С точки зрения Гофмана, конвенциональные особенности взаимодействия имеют отчетливо выраженный моральный характер. «Общество организовано на принципе, что любой индивид, обладающий определенными социальными характеристиками, имеет моральное право ожидать от других соответствующего обхождения и оценки. С этим принципом связан и второй, а именно, что индивид, который скрыто или явно сигнализирует другим о наличии у него определенных социальных характеристик, обязан и в самом деле быть тем, кем он себя провозглашает» [3, с. 44].

Виды знаковой активности субъектов взаимодействия. Таким образом, моральное право индивида ожидать к себе отношения, соответствующего его социальному статусу, уравнивается его обязанностью перед другими отказаться от всех притязаний быть тем, кем он на самом деле не является. Речь идет о том, что в языковом общении способность индивида к самовыражению реализуется двумя видами знаковой активности: произвольным, то есть преимущественно вербальным самовыражением, которым люди дают информацию о себе, и произвольным, которым они выдают себя. Второй вид коммуникации – обычно непреднамеренный, невербальный и более театралный – связан с проявлением чувств и эмоциональных реакций на происходящее. Необходимость контролировать проявление своих чувств имеет своей противоположностью вероятность имитации определенных переживаний, и в этом случае «непроизвольное» самовыражение становится средством манипулирования чувствами других. По мнению Гофмана, «от каждого участника взаимодействия ждут подавления своих непосредственных сердечных чувств, чтобы он передавал лишь такой взгляд на ситуацию, который, по его ощущению, будут в состоянии хотя бы временно принять другие» [Там же, с. 40-41].

Подобные ограничения побуждают индивида скрывать собственные цели за потоком высказываний и утверждать конвенциональные нормы и ценности, регулярное озвучивание которых ведет к формированию некоторой модели языкового самовыражения. Устойчивые обороты речи, всевозможные клише и риторические приемы, сопряженные с коммуникативным поведением, образуют личностно окрашенную языковую форму, использование которой создает предсказуемые впечатления и, по мнению А. Д. Ковалева, «оправдывается жизнью». А. Д. Ковалев отмечает, что для Гофмана «социальное взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, сколько между разными социальными ликами индивидов, как бы между изображаемыми ими персонажами» [6, с. 19].

Персонаж как элемент языкового взаимодействия. В лингвистике под персонажем понимают действующее лицо художественного произведения, как правило, второстепенное, в отличие от главного героя. Обычно персонаж рассматривается в качестве антропоморфного существа, безразличного к своим реальным или воображаемым референтам. «Персонаж фикционален, придуман в отличие от реального человека, однако он конкретен в отличие от социальной роли или социального стереотипа» [5, с. 184], – отмечает В. И. Карасик. Важнейшей особенностью персонажа является его смоделированность. Будучи одним из центральных понятий нарратологии, персонаж в художественном тексте выполняет либо роль актора – действующего лица, либо роль нарратора – рассказчика.

Позиция нарратора определяет способ презентации лингвокультурного типажа, соответствующий тому, как подается информация и излагается сюжет. Позиция актора, напротив, связана, прежде всего, с изложением фактов, соответствующих тому, что говорится в фабуле произведения. По мнению В. И. Карасика, эти две позиции в известной мере соответствуют понятиям модуса и диктума в любом высказывании. «Фактуальные характеристики, касающиеся типажа, представляют собой диктум, а отношение к ним, заданное говорящим или общественным мнением, образует модус» [Там же, с. 186]. Другим важным отличием актора и нарратора является четкое разделение их прав. Актор способен совершать различные действия, но он не знает, чем они закончатся, и не контролирует фабулу. Нарратор же не участвует в действиях, а только повествует о них, зная о том, что произойдет с персонажем. Посредством эмоциональных комментариев нарратор формирует отношение публики к персонажу, постоянно контролируя и поддерживая соответствие между фабулой и сюжетом [Там же].

Таким образом, лингвистическая трактовка персонажа включает в себя наиболее узнаваемые характеристики социального типажа, которые передаются вербальными средствами и соотносятся, прежде всего, с эмоционально-чувственным опытом взаимодействия публики с данным социальным типажом. При этом, по мнению В. И. Карасика, «неизбежно стирается грань между фактом и фикцией» [5, с. 184], поскольку в мире человеческих отношений достоверность знания, подтвержденная реальными фактами, нередко уступает место правдоподобию, мотивированному чувственным опытом, что закономерно приводит к стиранию граней между реальностью и квазиреальностью. Персонаж, моделируемый совместными языковыми действиями

актера и нарратора, существует в представлениях других людей, характеризуя не столько конкретную личность исполнителя, сколько те социальные типы, которые в ней персонифицированы.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что конвенциональные особенности языкового взаимодействия проявляются, прежде всего, в традициях группы, связанных с характерным для ее среды исполнением социальных ролей. Понимание смысла этих традиций, направленных на поддержание единства группы, побуждает участников социального взаимодействия принимать и соблюдать групповые нормы поведения, образующие порядок или ритуал взаимодействия в данной группе. Возникающий в результате молчаливого одобрения данного порядка рабочий консенсус представляет собой такой уровень психологической напряженности, который является привычным и комфортным для всех участников коммуникации.

С другой стороны, рабочий консенсус является динамической величиной, обусловленной поступками действующих лиц и реакциями зрителей на эти поступки. В этом случае основным средством поддержания рабочего консенсуса становится отношение группы к персонажу, изображаемому конкретным участником. Пребывая в состоянии заинтересованности происходящим, наблюдатели обычно высоко оценивают усилия индивида, пытающегося им что-то передать. При этом умение отдельных исполнителей выражать социально значимые характеристики своих персонажей запускает когнитивные процессы и инициирует языковую игру, смысл которой заключается в том, чтобы разгадать намерения говорящего. В любом случае стройное впечатление о конкретном человеке возникает тогда, когда его действия и реакции являются внутренне согласованными и не противоречат традициям и ценностям внутригруппового взаимодействия.

Список литературы

1. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2002. 286 с.
2. Галимова А. К. Понимание Другого в символическом интеракционизме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 51-53.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс, 2000. 304 с.
4. Иванова О. Э. Коммуникация как условие понимания смысла (в языковых играх Л. Витгенштейна и К.-О. Апеля) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 2. С. 87-91.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Ковалев А. Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 5-28.
7. Кравченко Е. И. Социологическая концепция Э. Гофмана // Современная американская социология. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 117-131.
8. Кравченко Е. И. Эрвин Гофман. Социология лицедейства. М.: Изд-во МГУ, 1997. 222 с.
9. Микешина Л. А. Конвенция как операция познания и коммуникации // Эпистемология & философия науки. 2013. № 1. С. 16-34.
10. Николаева Е. И. Исследование ритуальных аспектов повседневного взаимодействия в работах Э. Гофмана // Культурология. XX век: дайджест. М.: ИНИОН РАН, 1997. Вып. 1. С. 50-102.
11. Спичева Д. И. Роль имиджевой коммуникации в интернет-пространстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 164-167.
12. Харченко Е. В. Сознание от третьего лица или «другие люди» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 3. С. 175-177.
13. Mead G. H. From Gesture to Symbol // Mead G. H. Mind, Self and Society. University of Chicago Press, 1934. P. 65-78.

CONVENTIONAL PECULIARITIES OF LANGUAGE INTERACTION IN SOCIAL DRAMATURGY BY E. GOFFMAN

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

In the article the analysis of social interaction as a theatricalized language-game special form is presented. It is shown that the necessary condition of this process implementation is operational consensus, and its realization instruments are the notions “personage” and “ritual of interaction”. If ritual, as a special order of group norms observance by the participants, determines the situation externally, attitude towards the personage acting as some social exemplar’s personification consolidates the group from within.

Key words and phrases: symbolic interactionism; “face-to-face” interaction; operational consensus; group traditions; interaction ritual; personage.